

ЭДВАРД ХЕЙЛ

КИРПИЧНАЯ ЛУНА

ИФ
XIX
ВЕК

Эдвард Хейл

Кирпичная луна

«Издательские решения»

Хейл Э.

Кирпичная луна / Э. Хейл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934177-8

«Кирпичная луна», изданная в 1869 году, считается первым описанием космической станции, искусственного спутника и спутника связи. Под силу ли молодым бостонским инженерам запустить в небо конструкцию, которая может спасти жизни сотням мореходов? Во всяком случае это будет непросто.

ISBN 978-5-44-934177-8

© Хейл Э.

© Издательские решения

Содержание

Кирпичная луна	6
Предисловие	7
Кирпичная луна	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кирпичная луна

Эдвард Хейл

Переводчик Мария Мордкович

Иллюстратор Диана Кузнецова

© Эдвард Хейл, 2020

© Мария Мордкович, перевод, 2020

© Диана Кузнецова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-4177-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кирпичная луна

Автор Эдвард Хейл, 1869

Переводчик Мария «EvilCat» Мордкович, 2017

Иллюстратор Диана Кузнецова

Серии «НФ XIX Век», «НФ XX Век» и «НФ XXI Век» учреждены М. Мордкович в 2020

Читайте другие переводы: <https://www.evilcat.su>

Предисловие

Сегодня научная фантастика – признанный жанр, существование которого кажется чем-то само собой разумеющимся. Но удивительно то, что так было не всегда. Лишь в XIX веке истории про технологические допущения и (подумать только!) о будущем стали настоящим течением. Как вы увидите в четвёртой главе «Кирпичной луны», автор извиняется перед критиками, что о воображаемых событиях, происходящих через два года после времени публикации, он пишет в прошедшем времени – настолько редким тогда был футуризм в литературе.

В тот век зарождения жанра появилось много искренней, проницательной и изобретательной научной фантастики, можно сказать – лишённой шаблонов. Позднее, в начале XX века, жанр устоялся и обрёл коммерческое признание, но уже во многом опирался на формулы о смелых героях, прекрасных дамах и опасных монстрах, роботах, пришельцах. Старомодные фантазии на тему будущего, человеческой природы и влияния технологий терялись на этом фоне. Лишь к середине XX века научная фантастика снова обрела себя благодаря усилиям нью-йоркского литературного клуба The Futurians (что буквально значит «Жители будущего») и выпускаемым ими журналам.

Но то повесть других лет. «Кирпичная луна» – пример фантастики до фантастики, обращённой к простым читателям с толикой интереса к неизведанному. Это история о людях в той же степени, что и история о технологиях. И что за технологии! «Кирпичная луна», изданная в 1869 году, считается первым описанием космической станции или искусственного спутника.

Перевод книги на русский (включая четвёртую главу, написанную после основной книги) выполнен впервые в 2017 году и опубликован в интернете. А данная книга – его первое коммерческое издание в виде книги.

Мария «EvilCat» Мордкович (переводчик)

Кирпичная луна

Глава 1 Подготовка

Ныне я не имею возражений против полноценного пересказа случившегося. Подписчики, безусловно, вправе знать, как распорядились их деньгами. Астрономы также имеют право знать обо всём, прежде чем заявлять о новых астероидах со стремительной скоростью в склонении. И экспериментаторам долготы следует знать, чтобы компетентно приниматься за строительство новых кирпичных лун или же отказываться от подобных проектов.

Всё началось более тридцати лет назад, когда мы ещё учились в колледже, матери всех славных начинаний. Там мы занимались изучением книги в серой обложке с зелёным корешком под названием «Кембриджская астрономия», переведённой, как ни странно, с французского. Столкнувшись с вопросом долготы, мы ненароком решили обсудить его в суе и величии старой Южно-Центральной столовой, пройдясь по всем положенным студенческим байкам о наградах, предложенных Комиссией долгот за открытия в этой области. Как и все мальчишки к нашему возрасту, мы уже опробовали себя в вечном двигателе. Что касается меня, я был убеждён в собственной способности вывести квадратный круг, если б мне дали достаточно мела. Но вот вопрос долготы определёнno был прерогативой К.¹, чтобы ловко пронзить его и бросить к ногам общественности.

Смогу ли я объяснить это необразованному миру, не изучавшему книги в серой обложке с зелёным батистовым корешком? Попробуем.

Итак, дорогой мир, взглянув на Полярную звезду, вы всегда увидите её на одной и той же высоте над горизонтом или же над объектом, заслоняющим вам горизонт – скажем, Дуайтским институтом или особняками на Конкорд-стрит, или, как мне, над Норт-колледжем. Также вам известно, что, окажись вы на Северном полюсе, Полярная звезда сияла бы точно над вашей макушкой. Если же, в свою очередь, вы бы отправились на экватор, она бы едва выглядывала из-за горизонта, тщетно пытаясь пронзить красноватую мглу, застилающую северный его отрезок. Ну а на полпути между полюсом и экватором, где-то между нами и Канадой, Полярная звезда стояла бы точно посередине, 45 градусов от горизонта. Так вы заключили бы, что находитесь на 45 градусах от экватора. В Бостоне, однако, она красовалась бы на 42 градусах и 20 минутах от горизонта. Следовательно, вы на 42 градусах и 20 минутах от экватора. В Сиэтле же вы бы увидели её на 47 градусах и 40 минутах, и наши друзья в Сиэтле точно знают, что находятся на 47 градусах и 40 минутах от экватора. Иначе говоря, широту любой точки определить проще простого любым прибором, способным измерить высоту Полярной звезды; или, если вам так угодно, любой звезды, находящейся точно на севере – однако придётся сделать два замера, разделённых ровно 12 часами (если вы сумеете отыскать то же небесное тело). Разделив разницу, вы получите высоту небесного полюса или, собственно, широту наблюдателя.

«Мы, безусловно, уже знаем всё это! – вещает мне студенческий мир. – Или мы затем взяли в библиотеке эту твою книгу, чтобы ты нам разъяснял элементарную астрономию?» И на это увещевание я бы стушевался и замолчал, если бы не второй хор погромче: «Дорогой

¹ К., упоминаемый на данных страницах – не кто иной как мой брат Натан. Один из его псевдонимов – Гнат К. Хейл, с коварно непроницаемыми в английском буквами Г и К.

господин Ингем, премного обязаны! Всё это было нам неизвестно, а вы так понятно объяснили!»

Спасибо вам на добром слове, любезный читатель, и вам, и вам. Не будем оглядываться на то, что говорят другие. Если вы и так всё понимаете или же хорошенько зазубрили, то ваш банк знаний уже шире, чем у почтенного Чарльза Рида, а то он бы не заставил своих потерявшихся на острове влюбленных гадать о собственной широте. Если бы хоть один из них учился в достойном учебном заведении для среднего класса, повесть была бы гораздо короче.

Но вот что касается долготы...

Широта, как вам стало известно, показывает расстояние до Северного или Южного полюса от экватора. Чтобы определить долготу, необходимо узнать расстояние на запад или восток от Гринвичского меридиана. Если бы, к примеру, некто построил в Гринвиче высоченную башню, подпирающую небо – скажем, в сто миль от основания – конечно же, тогда вы или я, находясь к востоку или западу от неё, могли бы измерить видимую часть башни над горизонтом. Хорошенько всмотревшись и увидев показывающийся из-за горизонта Друммондов свет² «ярче в мире нет», установленный на вершине башни, мы бы осознали, что находимся через 873 мили от него. Вершина башни дала бы нам те же ответы, что Полярная звезда при измерении широты. При приближении к источнику угол между горизонтом и проекцией взгляда наблюдателя бы увеличился. А при удалении – что ж, пришлось бы выстроить башню повыше.

Но никто не займётся таким строительством в Гринвиче, или где-либо на его меридиане, или на каком-либо меридиане. Чтобы удовлетворять потребность хотя бы своего полушария, такой башне пришлось бы стоять многократно выше, чем диаметр планеты. И даже в этом случае остальной половине планеты пришлось бы построить ещё одну такую же башню на своей стороне. Именно это затруднение заставило К. предложить такое предприятие, как запуск Кирпичной луны.

Видите ли, если бы по удачному стечению обстоятельств вокруг нас имелось кольцо, как у Сатурна, но параллельное Гринвичскому меридиану и поворачивающееся вместе с планетой, чтобы оставаться таковым – тогда бы любой мог измерить свою долготу, или расстояние до Гринвича, просто выглянув в окно и отметив высоту кольца над горизонтом. В Гринвиче кольцо висело бы точно над головой. В Новом Орлеане, который за четверть мира от Гринвича, оно бы едва показывалось из-за горизонта. Чуть на запад от Нового Орлеана – и вы бы увидели другую половину кольца, выглядывающую из-за горизонта с противоположной стороны, а отправившись ещё западнее, до островов Фиджи, вы бы снова наблюдали кольцо прямо над своей макушкой. Будь у нас такое кольцо, не по экватору, а перпендикулярно экватору, будто увеличенный до колоссальных размеров обод на глобусе, «от такого кольца, – задумчиво протянул К., – мы бы и отмеряли долготу.»

За неимением такового, перебрав несколько вариантов, он предложил Кирпичную луну. План был следующий: если бы с поверхности Земли с помощью эдакой трубочки выстрелить в небо пульку, находясь в Гринвиче и целясь на север, да так сильно и далеко, чтобы на исходе подъёма она прошла над Северным полюсом и обогнула северное полушарие, не коснувшись притом земли, такая пулька бы кружилась вокруг планеты вечно. Она раз за разом проходила бы над Северным полюсом, островами Фиджи, Южным полюсом и Гринвичем, движимая тем же импульсом, что позволил ей преодолеть притяжение и границу атмосферы. Если бы мы наблюдали эту пульку, описывающую свою весьма благоприятную орбиту, то смогли бы по высоте её орбиты отмерять долготу не хуже, чем от Сатурнова кольца.

«Но пулька же маленькая!»

«Да, – согласился К., – но мы сделаем большую.»

² Прим. пер.: Друммондов свет – технология театрального прожектора XIX века.

Затем мы принялись проектировать нашу пульку, которая была бы достаточно большой и притом достаточно лёгкой. Большой – чтобы её видели издали даже навигаторы, мечущиеся по воле штормов; и лёгкой – чтобы её было проще запустить на четыре с небольшим тысячи миль в воздух, не обрушив на головы несчастных гренландцев или патагонцев, лишив их жизни, а мир – новой луны. Увы, от старой доброй дощатой конструкции, скреплённой раствором, пришлось сразу отказаться. Движение сквозь атмосферу точно так же раскалит будущую луну, как и аэролиты, оставив только белый пар, который не рассмотрит даже телескоп лорда Росса. «Нет, – решительно возразил К., – нам нужно что-то основательное. И чтобы выдерживало сильный, предельный жар. Железо не поможет. Значит, мы используем кирпич. Мы построим Кирпичную луну.»

Далее следовало рассчитать размер. На старой луне всякая деталь хотя бы двухсот футов длиной ясно видна сквозь любой современный рефрактор. Но стоит ли надеяться, что такой рефрактор найдётся у простых рыбаков, которых мы так хотим порадовать – у бедняг, усеявших скалистые берега островами своих лодчонок, без надежды на компенсацию у Ллойда или заметку Росса, выходящих в море под собственными парусами и с собственными сыновьями вместо экипажа?

С другой стороны, мы не собирались забрасывать луну на сто пятьдесят тысяч миль ввысь, где кружится старая луна, которую я с этих пор ради различия буду называть Сырной. Высота от земли была нам безразлична, лишь бы на деле луна чётко виднелась с большей части планеты. Безусловно, на определённой полосе она всецело останется за горизонтом, ведь нельзя же поднять её бесконечно далеко. «Но им и не нужно видеть её с поверхности, – заметил К., – её станут искать с мачты. А если и не найдут, то поймут, что находятся на 90 градусов от меридиана.»

Однако раздумья над трудностью так называемой полосы привели ко всестороннему улучшению нашего плана. Стало ясно, что даже если допустить весьма широкую «полосу», луну придётся разместить на значительной высоте и, следовательно, она будет хуже различима. Однако если мы довольствуемся луной в четырёх тысячах миль³ от планеты, её будет видно с поверхности на три-четыре тысячи миль во все стороны; а дважды по три тысячи – это шесть тысяч миль, то есть четверть наибольшего обхвата планеты. Да мы и не решились бы забросить луну ниже, чем на четыре тысячи миль, поскольку даже на такой высоте земная тень станет накрывать её на три часа каждые сутки, а нашей луне надлежало сиять ярким серебром, а не рыжей медной монетой. На высоте четырёх тысяч миль, однако, она будет видна лишь области в шесть-восемь тысяч миль в поперечнике. «Значит, надо запустить две луны, – таково было моё ценное предложение. – Скажем, одна над Гринвичским меридианом, а другая – над Новым Орлеаном. Пускай их высота немного различается, чтобы избежать столкновения в злополучный день. Следовательно, в некоторых местах будут видны обе – тем лучше при высокой облачности. И везде в ясную погоду найдётся хотя бы одна. Каждой хватит четырёх тысяч миль высоты; к тому же получится большой красивый диск. Если на старой Сырной луне седой Гершель своим рефлектором различил бы усадьбу протяжённостью двести футов, то на Кирпичной луне молодой Гершель сумеет увидеть и бочку с цементом полутора футов в диаметре⁴. Да и зрители без рефлектора, взглядевшись в театральные бинокли, не будут обижены.» Таким образом мы решили, что со временем запустим две Кирпичных луны. А ещё лучше – четыре, поскольку половина орбиты так или иначе приходится на другое полушарие. Такое же скромное число лун, к примеру, у Юпитера. Но начать следовало с одной.

³ Прим. пер.: 4000 миль – около 6500 км.

⁴ Прим. пер.: Полтора фута – около полуметра.

Как к нам пришла мысль о подходящем диаметре луны в двести футов⁵, я и сам не уверен. Полагаю, тому виной заявление почтенного Джона Фаррара о невозможности существования на освещённой стороне старушки-Сырницы ни единого учреждения двухсот футов длиной, укывшегося бы от глаз наблюдателей. В результате идея двухсотфутовости каким-то образом укрепилась в нашем сознании. Кроме того, нам вполне представлялось создание двухсотфутовой луны – притом что меньшего диаметра она была бы различима лишь на очень небольшой высоте, а тогда лун бы понадобилось гораздо больше, и подавляющую часть суток они пребывали бы в тени. Четыре тысячи миль, меж тем, подходящая высота, чтобы ясно видеть даже двухсотфутовую луну.

Но как бы скромны ни были наши двухсотфутовые луны на бумаге, в действительности задача предстояла сложнейшая. Мы, конечно, собрались строить их полыми – но даже полая луна должна обладать определённой толщиной, и количество кирпича требовалось по меньшей мере колоссальное. А что уж говорить о запуске! Трубочка, конечно, лишь наглядное упрощение. Оставались ещё годы и годы до орудий Родмена и его братии, отправлявших железные ядра на пять-шесть миль – что даёт где-то две мили в высоту.

⁵ Прим. пер.: 200 футов – это около 60 метров.

Железо, безусловно, тяжелее полого кирпичного снаряда, но и в наше время пушка с двухсотфутовым калибром немыслима, что уж говорить про те времена. Увы.

И вновь не кто иной, как К., предложил способ запуска луны. Не силой какого-то там взбалмошного взрыва, а так, как подобает всем великим делам – через постепенное и незаметное накопление силы. Все мы (не так ли?) знаем, что маховик (который крайне тяжёл у окруж-

ности, но очень лёгок у центра) запасает энергию с мига своей установки до того, когда она понадобится. Значит, прежде чем мы приступим к строительству луны, даже прежде чем мы заложим кирпичи в печи, мы должны будем построить два гигантских маховика диаметром «чем больше, тем лучше» и с самой тяжёлой окружностью, которую когда-либо видел свет, и укрепить их по совести, чтобы не боялись стихий. Пусть вращаются в противоположных направлениях, едва не касаясь друг дружки краями, годы, если необходимо, полностью прибав себе какой-нибудь водопадик. Пусть один будет немного тяжелее другого. Когда мы закончим с постройкой Кирпичной луны, то скатим её аккуратно по специальному жёлобу, чтобы сошла на оба маховика одновременно. Там она, конечно, не задержится ни на десяти тысячную долю секунды. Её немедленно отбросит вверх, словно капельку воды с точильного камня – вверх, но и немного вбок, благодаря тяжести второго колеса. Таким образом луна устремится вверх и на север, минуя ось мира. Всё время на неё будет действовать сила притяжения, изящно изгибая траекторию в дугу, но луна продолжит удаляться. Летя вверх и теперь уже на юг, она опишет полуоборот вокруг планеты. Спустя сорок-пятьдесят миль высоты сопротивление атмосферы станет ничтожным. «Пусть падает, – махнул К., плененный воображаемой картиной. – Пусть падает, да поскорее! Траектория её падения будет вечно описывать планету по меридиану, на котором трудился старательный водопад – лишь бы мы правильно разместили свои колоссальные маховики – и с этих пор вечно начнёт кружиться по удобной орбите

Кирпичная луна

отрада мореходов, столь же постоянная в своём движении, сколь её старшая сестра своенравна; фаворитка всех романтиков моря и их возлюбленных, оставшихся на берегу». «Аминь!» – воскликнули мы, а часы в такт пробили десять. Крепко пожав друг другу руки, мы покинули Южно-Центральную студенческую столовую.

Водопадов мы знали немало.

Для маховиков хватило бы дуба или сосны и железа для ободов. Нет, маховики тоже не представляли трудности.

Но вот кирпич... Если взять, скажем, кирпичи объёмом по шестьдесят четыре кубических дюйма⁶, то наша луна – пускай даже и полая – потребует в точности двенадцать миллионов кирпичей.

Одного только кирпича надо на шестьдесят тысяч долларов!

Одного только кирпича – на шестьдесят тысяч. Ввиду данного обстоятельства план по постройке Кирпичной луны оставался недостижимым идеалом ещё семнадцать лет, преобразивших нас из мальчишек в мужей. Шестьдесят тысяч долларов – и только за кирпич! Ведь студентам, не оплатившим ещё полностью годы обучения, не могущим даже помыслить разжиться прелестным маленьким эльзевиром⁷ на аукционе, который Джон Смит с сыновьями даже не сочтёт за ценность – бедным студентам шестьдесят тысяч долларов столь же немислимы, как и шестьдесят миллионов сестерциев. Кларк, заверь, сколько будет шестьдесят миллионов сестерциев в ракушках каури? И сколько в валюте, пока золото держится на 1,371/4/? Верно, и даже больше. Но полно, что-то я забываюсь!

Итак, что касается нашего повествования, проект по созданию Кирпичной луны являл для нас идеал столь же великолепный и далёкий, как ныне сама Кирпичная луна, занимающая в тихую полночь, пока я пишу эти строчки, плечо Ориона над южным горизонтом. Но не будем забегать вперёд. Позвольте, как пишут в десятицентовой серии Бидла⁸, вернуться к течению событий.

⁶ Прим. пер.: 64 куб. дюйма – примерно 1000 куб. сантиметров.

⁷ Прим. пер.: Эльзевиры – мелкоформатные книги, выпущенные печатниками Эльзевирами в XVIII веке, снискавшие любовь библиофилов и коллекционеров.

⁸ Прим. пер.: Эрастус и Ирвин Бидлы первыми стали издавать бульварную литературу, доступную за бесценок. Их серия

Прошло семнадцать лет, и мы больше не были мальчишками, хотя не ощущали себя никак иначе. Я, к примеру, по сей день не могу зайти ни на собрание, ни в синод без зудящего беспокойства – а что если присутствующие вычислят под личиной бородатого господина юнца-переростка, неким образом раздобывшего себе фрак и цилиндр? И если случится подобное и меня вытолкают в шею с заседания как самозванца, не подведёт ли итог благоразумная публика, рассмотрев все факты: «Устранён заслуженно»? Размышления об этом помогли мне преодолеть не одно затянувшееся заседание, грозящее полным упадком духа. Как там говорил один мой посыльный?

«От долгого сидения плющится сидение.»

Но хватит толочь воду в ступе!

Итак, и на этот раз без промедления: семнадцать лет спустя дорогой Оркатт вошёл в моё жилище в Нагаудафике. Мы не виделись с самого нашего расставания в Кембридже после выпуска. Он изменился – и в то же время остался прежним. Улыбка была та же, тот же голос, то же участие в лице, когда я заговорил о своих бедах, и то же детское озорство. Но определённо он носил другой пояс и другие панталоны, и его гладкий подбородок прятался за широкой бородой, а если он что-то и весил, то сущие фунтов двести⁹. О, что за чудесные деньки то были, прямо как старые добрые времена! Мои счастливые воспоминания о Нагаудафике. В издательском комитете «Сендеманиан Ривью» меня тогда представлял заместитель, так что я позвал Оркатта подняться в мою скромную студию и побеседовать о былом. Полли вошла с веранды и сделала нам чай. Мы проговорили до девяти-десяти вечера, и тогда дорогой Оркатт спросил, вспоминаю ли я Кирпичную луну. Вспоминаю ли? Конечно же! И даже не вставая с кресла, я протянул руку и достал из ящика стола альбом с чертежами, служившими мне «третьим»¹⁰ всю зиму. Оркатт просиял. Он быстро, но внимательно пролистал альбом и сказал:

«Я так рад! Я и думать не смел, что ты забудешь. Также я навестил Бреннана, и Бреннан тоже не забыл.»

Затем он продолжил:

«Да будет тебе известно, что за прокладыванием железных дорог не забыл и я. Когда мы строили большой тоннель из Катависсы в Опелоусас, распрощавшись со старым наклонным ландшафтом между Луизианой и Пенсильванией, в радиусе двухсот миль от нас не было ни единого камешка крупнее персиковой косточки. Я выпек кирпичи для тоннеля на собственном печном конвейере. Ингем, я, должно быть, сделал больше кирпича, чем кто-либо из живущих!»

«Тебя сам Бог послал!» – воскликнул я.

«А как же, Фред. Но это ещё не всё, – ответил он. – Я преуспел в том, что мир ставит выше кирпичей. Я выпек кирпичи и я заработал деньги.»

«Один из нас заработал деньги?» – удивлённо переспросил я.

«Кто бы мог подумать, – согласился дорогой Оркатт, – но один из нас и впрямь заработал деньги.»

Затем он рассказал мне, как это вышло. Не благодаря строительству тоннелей или выпеканию кирпичей, нет. Благодаря приобретению исходного пакета акций Катависсы-Опелоусаса, когда те едва имели рыночную стоимость! Дорога уже выпустила одну волну ипотечных облигаций, затем вторую, затем третью, не говоря о постоянных краткосрочных займах – но хуже того, её репутация была подорвана основательно и заслуженно. Её паровозы едва пыхтели. Её вагоны несли следы беспрецедентных и неотвратимых происшествий. Транспортные компании-конкуренты уже грызлись за будущие права на её бизнес. Именно тогда дорогой Джордж вложил весь свой заработок подрядчика в злополучный исходный пакет акций – если

называлась «Десятицентовые романы».

⁹ Прим. пер.: 200 фунтов – около 90 кг.

¹⁰ «Каждому человеку, – пишет доктор Пибоди, – на первое нужна работа, а на второе – хобби», к чему я добавил третье.

точнее, приобрёл его за 3 1/4 процента первоначальной стоимости – тогда как несчастным, купившим их первыми, они обошлись в круглую сотню. Шесть тысяч восемьсот долларов, все свои сбережения до последнего цента, он потратил на это дело. Затем он наведаясь к попечителям первой волны облигаций, а также второй и третьей, и сообщил о своём приобретении.

Встречи, как известно, управляют миром. Если дорогой Оркатт и не знал этого, то тогда уж точно убедился. Те же попечители, которые, несомненно, отклонили бы любое его письменное предложение, сами поднялись из-за стола и стали умолять его занять пост, стоило Джорджу удостоить их визитом. Он вложил всё до последнего гроша в акции? Значит, те представляли ценность, неясную попечителям, ведь Джордж Оркатт был не лопух, что касалось железных дорог. Того, кто смог построить мост через Рапидан во время паводка, стоило послушать.

«Каков же был его план?»

Джордж умолчал насчёт своих планов – почтенным попечителям уж точно. Планы у него были, но раскрывать он их не собирался, просто сказал, что имеет. Засим не согласятся ли господа верить ему правление дорогой на двенадцать месяцев за номинальную плату? Прошлый управляющий оказался пройдохой, доказав это окончательно своим исчезновением. В Джордже же сомневаться не приходилось. Он знал, что сможет вывести дорогу на окупаемость, расплатиться с держателями облигаций и даже выплачивать дивиденды – о чём не приходилось и мечтать последние двадцать лет. Что оставалось, кроме как согласиться?

Конечно же, ничего более, и они это понимали. И конечно же, они виляли, обсуждали, тянули, притворялись колеблющимися, консультировались и так далее, и тому подобное. И конечно же, в конечном счёте они согласились на все его условия. Ему доверили управление дорогой.

И уже в первую неделю он доказал, что способен поднять её из пепла. А спустя три месяца – поднял!

Он разослал объявления в первый же день: «Билеты с младенцами по тройной цене».

Свежая идея сразу вызвала обсуждения. Она многое продемонстрировала общественности: во-первых, гуманизм Джорджа и его заботу о человеческой жизни. Он желал малышам оставаться в их уютной кровати.

Во-вторых, и это самое главное, мир пассажиров увидел восхождение нового сэра Крейттона, нового Амадаса, шевалье от железных дорог – управляющего, безразличного к комфорту подопечных!

В первую же неделю пассажиропоток К-О удвоился. Ещё через неделю-другую начали подтягиваться грузоперевозки, заказанные некоторыми новообретёнными пассажирами. Со скоростью схода с конвейера старые вагоны заменялись на новые – с удобными мягкими подлокотниками и с подголовниками, куда усталые пассажиры могли откинуться и прикорнуть. Это вызвало столько же любопытства, сколько музей в Катависсе и его собрат в Опелоусасе. Малоизвестный факт состоит в том, что конструкция типового американского вагона возникла в ответ на тендер фирмы «Рога и копыта». Их траты на поддержание пассажирских перевозок выросли настолько, что фирма стала опасаться банкротства. Чтобы снизить расходы, они заказали разработку вагона, в котором невозможно спать ночью и отдыхать днём, в котором спинки идеально прямые, голова болтается в воздухе, ноги словно закованы в кандалы, а локти постоянно задевают проходящего кондуктора. Остальные американские транспортные компании, не желающие отставать от времени, немедленно подхватили инновацию. Но Катависса-Опелоусас отвергла эту испытанную временем традицию.

Результат вам известен. Пассажиры стекались за сотни миль, чтобы проехаться на К-О. Доходы покрыли третью волну облигаций, и стал прибывать резервный фонд. Попечители первой волны страшились того дня, когда их облигации будут закрыты. Акции Джорджа, купленные по 3 1/4, поднялись до 147 на исходе второго года! И так, пока мы сидели в моей скромной студии, Джордж стоил уже почти триста тысяч долларов. Он не держал яйца в одной корзине:

какие-то он переложил в другие корзины, какие-то доверил различным заботливым наседкам. Все его яйца, однако, где бы ни находились, оказывались надёжными и прибыльными. О своих успехах Джордж и поведал мне.

Один из нас заработал деньги!

По пути ко мне Джордж заехал к Бреннану. Прямолинейный, добропорядочный Бреннан, человек такта, человек ума, человек чистого порыва и честного слова, на тот момент кормил с руки Нью-Алтону. Бреннан не заработал денег – да и никогда не заработает. Но Бреннан был полезен миру даже без денег. Ибо стоило Бреннану изучить ошибки и достижения любого предприятия, как всякий прислушивался к его вердикту, заслуженно считавшемуся почти что вселенской истиной. Таким образом, любой благоразумный человек привык высоко ставить его предсказания. Но даже лучше того: Бреннан глубоко и беззаветно верил в людей. Когда справедливость и несправедливость ситуации были ему понятны, он мог предстать перед несколькими тысячами слушателей и рассказать им, в чём состоят имеющиеся справедливость и несправедливость, рассказать с той же ясностью и новизной, будто племяннику Хорасу, усаженному на коленке. И среди тысяч слушателей не найдётся и сотой доли, которые бы сочли это за красноречие. Беседуя между собой в своих заведениях, они любили поговаривать, что Бреннан не обладал красноречием. Они доходили до того, что жалели его! Ах, если бы только он был оратором, как такой-то или такой-то, чего бы он добился! Однако лишь месяц спустя, когда требовалось поделаться что-то в ситуации, о которой вещал Бреннан, люди поступали именно по его наставлению; возможно, позабыв уже о том и считая это собственной задумкой, настолько его всепроникающий, значимый, кристальный и естественный здравый смысл засел в подкорку их сознания. Знал ли сам Бреннан, насколько он красноречив? Но что точно знал я, а также дорогой Джордж, так это что Бреннан был одним из вождей человечества!

Терпение, друзья мои, мы уже почти подошли к

Кирпичной луне!

Ведь Джордж уже навестил Бреннана, и Бреннан тоже не забыл. Все семнадцать лет Бреннан помнил, и каждый корабль, ошибшийся с долготой и разбившийся о скалы во время шторма, каждый младенец, издавший свой последний плач среди бушующих волн и обломков, каждый раздувшийся мертвец, выброшенный морем и похороненный в безымянной могиле – каждый из них напоминал Бреннану о Кирпичной луне и откладывался в его бездонном хранилище ума очередной историей ужаса. Теперь же Джордж был готов посвятить круглые сто тысяч строительству луны, а Бреннан – тысячью способов, доступных великим мира сего, убедить общественность дать нам ещё сто тысяч. Джордж приехал ко мне спросить, возьмусь ли я с ними за великий труд, который наши прежние вычисления лишь предвосхитили. В общее дело мне надлежало вложить математическую точность и знания, почерпнутые из морских наук, которые расцветут и принесут плоды, когда Кирпичная луна сорвётся, словно яблоко, с рельс, на которых мы её построим, и вознесётся в воздух с силой тысячи паводков, готовая наконец-то занять своё место в предопределённой области небесного эфира и начать благословенное путешествие по нерушимому меридиану!

О, что за чудесный добродетельный образ! Конечно же, я согласился.

Если бы вы только не торопились узнать развязку, какую бы историю я вам рассказал – о великой кампании, которую мы в тот момент начали! О том, как трагическая потеря «Роял Мартира», ошибшегося с долготой всего на три градуса, потрясла мир и дала нам отправную точку. Как я уговорил Джорджа, что ему не следует выписывать свои сто тысяч долларов разом. Пусть они вступают в игру мало-помалу, когда «общему делу» нужна будет встряска, а публике – новости. Как мы отлавливали молодых журналистов и объясняли им ровно столько, чтобы они почувствовали себя почти что соучастниками изобретения луны, заслуживающими всяческой похвалы. Как, начав с Бостона, мы разослали всем мужам науки, филантропии

и коммерции три тысячи циркуляров с приглашениями на частные собрания с Джорджем в его номере в «Ревере». Как, кроме нас и нескольких респектабельных пожилых джентльменов, которых Бреннан позвал с собой из провинции, скромно оплачивающих собственные накладные расходы, на встрече присутствовали лишь ещё трое – путешественники, чьи предприятия провалились – а также гости от прессы. Как часть гостей от прессы поняла всё сказанное, а часть – ровным счётом ничего. Как все они, однако, на следующий день опубликовали расхваливающие нас анонсы. Как несколько дней спустя на первом этаже бостонского Хортикалтерал-холла мы держали наше первое общественное собрание. Как Галибуртон привёл в зал пятьдесят человек, преданных ему – в основном посетителей его христианских лекций. Как, кроме них, в зале не насчитывалось и трёх человек, которых мы бы лично не попросили прийти; или хотя бы одного, который способен был изобрести оправдание, чтобы пропустить. Как мы обвешали стены понятными и непонятными схемами. Как мы открыли собрание. Вот о собрании я вам и впрямь должен рассказать.

Первым говорил я. Я даже не пытался объяснять наши планы. Я не пытался поразить риторикой. Но я и не начал с оправданий. Я просто рассказал о предательских подветренных берегах. Я рассказал, в каких случаях они наиболее опасны: когда моряки их не видят в шторм. Я объяснил, что хотя дорогостоящий, нуждающийся в постоянной коррекции хронометр кое-как служил путеводителем мореходам, ненадолго выходящим в море, однако опасность лежала в корректировании, и столь дорогой прибор оставался не по карману простым людям, и любое отклонение от реальности уже нельзя было исправить. Я сказал, что мы изобрели метод, с помощью которого, если получим финансирование, даже беднейший рыбак сможет определять своё положение на море с той же точностью, как восход и заход солнца. А стоило ему определить своё положение, как его выход в море наверняка закончится благополучно. С этим я сел.

Потом заговорил дорогой Джордж – просто и очень коротко. Он сказал, что в Бостоне его не знают, а те, кто знает, не назвали бы его оратором. Он лишь архитектор и умеет рассчитывать чертежи, а не говорить. Однако он пришёл сюда заверить, что, изучив планы решения вопроса долготы сверху донизу, он нашёл их безупречными. Таково было его мнение, если оно что-либо значит для зала. И если собрание поддержит проект или если его пригласят, он готов предложить свои услуги в любом качестве, безвозмездно, ради свершения проекта. Если он

не сможет быть полезен никак иначе, кроме как укладкой кирпича, то будет класть кирпич. Ведь он всей душой убеждён, что успех данного предприятия принесёт человечеству больше, чем любое начинание, которое он когда-либо сможет назвать делом своей жизни. «А благу человечества, – закончил он просто, – и посвящена моя жизнь». С этим он сел.

Затем поднялся Бреннан. До сих пор, исключая замечание Джорджа насчёт кирпичей, никто и словом не обмолвился о луне, не говоря уже о её материале. Всё объяснение взял на себя Бен. И он объяснил так, словно разговаривал со способным учеником лет десяти. Слушатели чувствовали, что к ним обращаются как к равным. Меж тем он не произнёс ни единого слова, требующего малейшего понимания вопроса. Он объяснял так, будто проще было рассказать по шагам, чем перескочить к сути. Но при этом объяснил, словно сам был слушателем, а зал – лектором. Он провёл их по всем заключениям – и уж куда понятнее, чем я провёл вас – пока их рты не открылись в подлинном восхищении, веки не позабыли моргать, а брови сами собой не поползли вверх от любопытства, пока, скажу я вам, каждый в зале не почувствовал себя изобретателем, самостоятельно преодолевшим трудность за трудностью; хотя в то же время идея оказалась настолько проста, что о трудностях и говорить было нечего. Единственное, что оставалось неясным – это как Комиссия долгот, или император Наполеон, или Смитсоновский институт, или кто-либо другой не запустил ещё маленькую планету на её благословенную орбиту давным-давно. Ни слога его речи нельзя было назвать риторикой, ни слова не звучало отрететированным. С этим Бреннан сел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.